

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82-94

doi: 10.17223/19986645/88/7

Ермак в русской словесности до Карамзина: первые опыты нарративизации истории покорения Сибири

Евгения Евгеньевна Анисимова¹

¹ *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, eva1393@mail.ru*

Аннотация. Исследуется процесс литературной нарративизации и беллетризации исторических источников о Ермаке – главное условие превращения исторической фактографии в художественную словесность, благодаря которой практики работы с национальной памятью начинают распространяться на широкого читателя. В центре внимания находятся проблема фабулы и сюжета в историографическом и литературном текстах, способы сюжетного и портретного «оживления» (Н.М. Карамзин) образа исторического деятеля, взаимодействие между летописным и научным текстом, с одной стороны, и литературным произведением – с другой.

Ключевые слова: Ермак, Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, Г.Ф. Миллер, И.Э. Фишер, фабула, сюжет, история, нарратив

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00275, <https://rscf.ru/project/23-28-00275/>

Для цитирования: Анисимова Е.Е. Ермак в русской словесности до Карамзина: первые опыты нарративизации истории покорения Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 128–147. doi: 10.17223/19986645/88/7

Original article

doi: 10.17223/19986645/88/7

Yermak in Russian literature before Karamzin: First efforts to narrate the story of the Siberian campaign

Evgeniya E. Anisimova¹

¹ *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, eva1393@mail.ru*

Abstract. The problem of narrating the history of Yermak's Siberian campaign by means of belle-lettres of the mid-18th – early 19th centuries is in the focus of the present work. The approach is based on the Russian formalists' *fabula/syuzhet* dichotomy which is applied to the strategy of reproducing historical facts in works written by scientists and writers prior to the publication of the 9th volume of N.M. Karamzin's

History of the Russian State. The methodological basis also includes Hayden White's view on literary nature of historiography; works by E.M. Forster, V. Schmid, A. Hansen-Löve, and Yu.V. Shatin on narratology; D.S. Likhachev, E.I. Dergacheva-Skop, A.S. Yanushkevich, A.I. Andreev, and V.G. Mirzoev on source studies and medieval Siberian chronicles; works by Yu.M. Lotman and O.B. Lebedeva on the 18th-century Russian literature. In the course of the research, some historical sources, which formed a background for various pieces about Yermak written in the 1790s–1800s, were analyzed. The latter include I.I. Dmitriev's poem "Yermak", *Yermak, the Conqueror of Siberia* by P.A. Plavilshchikov, the historical novel *Yermak, the Conqueror of Siberia* by I.K. Buinitsky, and the anonymous novel *The Life and Military Deeds of Yermak, the Conqueror of Siberia, Selected From Russian and Foreign Writers*". The comparison of 17th-century chronicles, 18th-century historical works, on the one hand, and works by Russian writers, on the other hand, showed that the book *Siberian History ...* by J.E. Fischer served for the writers of this period as the main informational source about Yermak's campaign in Siberia. Unlike G.F. Müller, who strove for historiographical accuracy, rechecking the dates of events, comparing the texts involved and detailed footnotes, Fischer proposed in his compilation a holistic narrative, which was not overloaded with scientific analysis and in this sense was more plot-fictionalized. This author's attention was focused on Meghmet-Kul, Khan Kuchum's relative, initially as Yermak's main opponent, then as a noble prisoner conquered by the latter, and, finally, the Prince of Siberia, who made a successful career at the Russian court. In works of fiction, this historical narrative was transformed into a plot of turning a "foe" into a "friend", embodied in concrete works in several variants (duel, a love story of conquering a native woman). Finally, the author of the article draws a conclusion about the importance of the "narrated" history of Yermak and the fictionalization of old primary sources in practices of inventing and representing the national memory, which required a lively image of the arbiter of historical events. In this context, efforts to imagine Yermak's appearance visibly, present his image in a pictorial and verbal portrait, acquire a specific significance.

Keywords: Yermak, N.M. Karamzin, I.I. Dmitriev, G.F. Müller, J.E. Fischer, story, plot, history, narrative

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00275, <https://rscf.ru/project/23-28-00275/>

For citation: Anisimova, E.E. (2024) Yermak in Russian literature before Karamzin: First efforts to narrate the story of the Siberian campaign. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 128–147. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/7

Задолго до того, как Карамзин-историограф приступил к профессиональным разысканиям по теме завоевания Сибирского ханства, им поэтапно конкретизировались сама задача художественного воспроизведения исторического факта, а также эстетический аспект интереса к национальному прошлому. В статье 1802 г. «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств», посвященной проблемам живописи, писатель и критик весьма точно наметил общие свойства восстановления события, извлекаемого из тьмы веков.

Мысль задавать художникам предметы из отечественной истории достойна вашего (гр. А.С. Строганова, президента Имп. Академии художеств. – Е.А.) патриотизма и есть лучший способ оживить (здесь и далее везде подчеркнуто нами. – Е.А.) для нас ее великие характеры и случаи, особливо пока мы еще не имеем красноречивых историков, которые могли бы поднять из гроба знаменитых предков наших и явить тени их в лучезарном венце славы [1. С. 188].

Тема «оживления» поясняется далее примерами. Так, призвание варягов может, по мысли автора, включать сцену, в которой «послы славян, чуди и кривичей окружают Рюрика; они уже сказали ему все то, что заставляет их говорить Нестор. Рюрик, опершись на лук свой, задумался. Синеус и Трувор советуются между собой» [1. С. 190]. К бытовым картинам вскоре добавляется предельно наглядная скульптурно-анатомическая пластика. В изображении эпизода битвы на р. Трубеже 992 г., когда в поединке сошлись русский воин и печенег, Карамзин дает живописцу свободу: «Художник сам выберет момент: изобразит ли их в усилиях борьбы, в напряжении всех мускулов, или в то мгновение, как русский ударил головою печенега и как сей падает?» [1. С. 194]. Весьма показательно, как автор цитируемой статьи стремится соединить достоверность изображения, черту произведения живописи, с детальностью словесной проработки события: очевидно, что, хотя и не являясь рисовальщиком и/или ваятелем, Карамзин набрасывает вполне убедительную словесную «картину», взывающую скорее к зрительному впечатлению или же искусно (при том что нам дается все-таки словесный образ) это впечатление имитирующую.

В теоретико-литературной перспективе очерченной коллизии «бесплотного» факта и его правдивого художественного воссоздания, «поднятия из гроба» силой искусства соответствует известное противопоставление фабулы и сюжета. В афористической версии Эдварда Форстера «“король умер, а потом умерла королева” – это фабула (story). “Король умер, а потом королева умерла от горя” – это сюжет (plot)» [2. Р. 61]. Внедренная в «пустой» событийный каркас деталь («от горя») играет продуктивную двоякую роль: она не только задает сюжету искомую каузальность, ибо, как отмечает Форстер, «сюжет – это также повествование о событиях, в котором акцент делается на причинно-следственной связи (causality)» [2. Р. 61], но также, словно воочию, восстанавливает перед читателем образ скорбящей и в итоге гибнущей от тоски венценосной дамы.

Характерно, что соответствием «фабуле», термину из понятийного репертуара русских формалистов, у Форстера оказывается *story*, восходящая к *истории* как фиксации цепи происшествий. Действительно, «история» (story) в нарративном смысле – это фабула, «рассказ о событиях, образующих временную последовательность – обед после завтрака, вторник после понедельника, разложение после смерти и т.д.» [2. Р. 22]. Сходство такого понимания нарративной истории (*story*, фабулы), например, с правилом «погодных записей», из потенциально бесконечной кумуляции которых состоит древнерусский летописный текст, вполне очевидно. Между тем объ-

яснение взаимосвязи между событиями передается – в намеченной Форстером перспективе – в ведение сюжетности, одной из компетенций повествовательной художественной прозы.

Историзм событийного ряда и «литературность» преломляющего его в оптике авторского намерения сюжета делаются двумя взаимосвязанными компонентами того повествовательного «рецепта», который и был предложен Карамзиным отечественной словесности. С этой точки зрения создатель русской прозы XIX столетия оказался стихийно близок к ранним образцам формалистской теории начала XX в. с характерным для нее пониманием не только дуализма «факта» и его «воспроизведения», но и оценкой первого (создающего фабулу) как иерархически подчиненного второму (полагаемому в основу сюжета). На этом этапе (у В.Б. Шкловского) фабула отождествлялась «с эстетически индифферентными, долитературными происшествиями» [3. С. 148] – именно так смотрел на нее и Карамзин, если волевым образом допустить владение им позднейшей филологической терминологией.

* * *

В обстановке не раз выражавшегося русским писателем скепсиса относительно национальной литературы как института – а Карамзин еще в 1802 г. дал подробный ответ на вопрос «отчего в России мало авторских талантов?» – проходил много позднее и поиск источников для написания весьма важной в контексте 9-го тома «Истории государства Российского» 6-й главы «Первое завоевание Сибири».

В своих печатных работах изобретатель отечественной исторической повести старался соблюсти предельную аккуратность, формулируя болезненно ощущавшуюся им литературную недостаточность средневековых источников. Так, в статье «Известие о Марфе-посаднице, взятое из жития св. Зосимы» (1803) он вновь, как и в чуть более ранней работе о живописи, сетует на бедность деталей, предлагая современному автору самому восполнить сюжетные пробелы, иначе говоря – «нарастить» сюжет на каркасе фабулы. «Правда, что русские летописцы, в которых должно искать материалов для сих биографий, крайне скупы на подробности; однако ж ум внимательный, одаренный историческою догадкою, может дополнять недостатки соображением, подобно как ученый любитель древностей, разбирая на каком-нибудь монументе старую греческую надпись, по двум буквам угадывает третью, изглаженную временем, и не ошибается» [4. С. 229–230].

Впрочем, в частных письмах историограф был более определен и категоричен. 21 июня 1820 г. он сообщал И.И. Дмитриеву: «Между тем я в Сибири: пишу о *твоем* Герое Ермаке. Но жалею на худые материалы: ишу и не нахожу ничего характерного; все бездушно – а выдумывать нельзя» [5. С. 291]. Мысль о «бездушности» первоисточников не нова: она повторяет ранние сожаления об их «скудости», а также требования представить содержащиеся в них сведения современному читателю только после кардинальной, «оживляющей» переработки. При этом Карамзин был весьма далек от постижения тех преобразований, что переживает история (в данном случае –

древнерусская, переданная летописями) в процессе «трансформации исторических фактов в историографические факты <...> исходного материала», попадающего в руки художнику «как заданный фабульный материал» [6. С. 234]. Подобно тому как, по мысли Ю.М. Лотмана, «Слово о полку Игореве» в силу запечатленных в его поэтике черт аутентичной культуры Средневековья не могло выйти из-под пера сколь угодно искусного стилизатора, принадлежащего веку Просвещения [7], Карамзин понимал летопись не иначе как рассказ событийно распространенный, но лишенный нужных подробностей, психологически неглубокий – словом, «эстетически индифферентный», как фабула по версии Шкловского.

В случае Ермака ситуацию спасла Строгановская летопись, выделявшаяся на общем фоне именно тем, что было на руку историографу: чертами «беллетризованной исторической прозы», осязаемой утратой связи «с летописной традицией», на смену которой шел «новый язык светского повествования» [8. С. 16]. Источник, оказавшийся благодаря услуге со стороны Г.И. Спасского в распоряжении Карамзина [9], был воспринят последним с большим воодушевлением. «Рукописную *Повесть о взятии Сибирские земли*»¹ он охарактеризовал как «достовернейшую всех иных и сочиненную, как вероятно, около 1600 года», дал ей название «Строгановская летопись», а ее автора похвалил: «...пишет основательно, просто» [11. С. 230–231]. Этих свойств, наряду с полнотой биографии Ермака, показанного в диапазоне от разбойника до победителя Кучума и государственного мужа, т.е. внутри яркой психологической интриги, историографу хватило для того, чтобы запустить в действие искомый повествовательный механизм. «Я кончил главу о завоевании Сибири: вот еще поэма Ермаку!» – проинформировал он И.И. Дмитриева в письме от 9 июля 1820 г. [5. С. 292], намекнув наречием «еще» на стихотворение «Ермак» (1794), принадлежащее перу корреспондента.

Однако Карамзину не просто повезло с первоисточником. Важно помнить, что своим закреплением в традиции русского летописания упомянутая выше погодная запись обязана невозможности «замкнуть», композиционно завершить тот или иной период национальной истории правлением монарха, создать сюжет на основе биографии императора – как это можно было сделать, например, в Византии [12. С. 85–86]. В историко-политической реальности русского Средневековья череда годов, а не властителей делалась основой построения текста, временно-пространственная фабула брала верх над сюжетом-судьбой.

На этом фоне крайне существенна полностью противоположная тенденция, организующая нарратив «Истории государства Российского», создатель которой стремился увидеть – даже на материале, казалось, беспросветной раздробленности удельных веков – последовательность личных княжений и царствований тех, в ком историографу виделась харизма центральной

---

¹ «О взятии Сибирские земли» – таковы первые слова длинного названия памятника [10. С. 1].

власти. Сюжет личности, как и желал Карамзин, «надстраивался» над фабулой; аморфная совокупность слабо связанных друг с другом событий делалась «поэмой».

Рассказ «Истории» о Ермаке сформировал канонический образ героя в отечественной национальной памяти. Однако в корпусе текстов о покорении Сибири, созданном в XIX в. творцами профессиональной литературы, а также и представителями массовой словесности, карамзинская линия была не единственной, и потому особый интерес представляют попытки других авторов двигаться в том же направлении, что и Карамзин, решать ту же проблему «оживления» первоисточника, казавшегося недостаточно ярким, «литературным», а самое главное – концептуальным. Все приводимые далее в этой статье примеры демонстрируют уже известную нам тенденцию – попытку вывести сюжет из разрозненных, как бы «глухонемых» фактов, попытку, осложненную недостаточной источниковой базой (Строгановская летопись еще не введена в научный оборот), а также неумением тогдашней науки реконструировать отношения между разными памятниками.

* * *

Прецедентным текстом, в котором был предложен первый собственно литературный образ казачьего атамана, стало стихотворение И.И. Дмитриева «Ермак». Впоследствии В.Г. Белинский связал с именем поэта целый этап развития русской словесности 1790-х гг. и специально выделил произведение о завоевателе Сибири:

Но для нее (русской поэзии. – Е.А.) гораздо более сделал друг и сподвижник Карамзина – Дмитриев, который был старше его только пятью годами. <...> Формы од Дмитриева оригинальны, как, например, в «Ермаке», где поэт решился вывести двух сибирских шаманов, из которых старый рассказывает молодому, при шуме волн Иртыша, о гибели своей отчизны. <...> Речи, которые поэт влагает в уста шаманам, исполнены декламациею и стараются блистать высоким слогом – это правда; но мысль в жалобах и рассказах шамана на берегу Иртыша выказать подвиг Ермака – это уже не риторическая, а поэтическая мысль [13. С. 122–123].

Карамзин был первым читателем этого стихотворения и в письме автору от 6 сентября 1794 г. отметил ряд деталей, относящихся к центральному эпизоду сюжета – поединку Ермака с Мегмет-Кулом:

Сердечно благодарю тебя за стихи к *Волге* и за *Ермака*. И ту и другую пиесу читал я с великим удовольствием, не один раз, а несколько. Bravo! Вот Поэзия. Пиши так всегда, мой друг. Только нельзя ли переменить в Ермаке *барабаны, пот, сломил* и *вскричал*? В хорошем стихотворении я замечаю все и не пропускаю ничего без критики. Еще кажется мне, что нельзя сказать *потупленная* голова (вместо: *преклоненная*) и *в одежде равны* [5. С. 50].

При публикации Дмитриев учел эти рекомендации, оставив без изменения только экспрессивные слова «пот» и «слобил». Единоборство героев является сюжетным центром всего произведения, а победа казачьего атамана знаменует покорение Сибири:

Младый
И царский брат пред ним упал.
Старец
Я зрел с ним бой Мегмета-Кула.
Сибирских стран богатыря:
Рассыпав стрелы все из тула
И вящим жаром возгоря,
Извлек он саблю смертоносу.
«Дай лучше смерть, чем жизнь поносну
Влачить мне в плене!» – он сказал –
И вмиг на Ермака напал.
Ужасный вид! они сразились!
Их сабли молнией блестя,
Удары тяжкие творят,
И обе разом сокрушились.
Они в ручной вступили бой:
Грудь с грудью и рука с рукой;
От вопля их дубравы воют;
Они стопами землю роют;
Уже с них сыплет пот, как град;
Уже в них сердце страшно бьется,
И ребра обоих трещат;
То сей, то оный на бок гнется;
Крутятся, и – Ермак сломил!
«Ты мой теперь! – он возопил, –
И всё отныне мне подвластно!»
Младый
Сбылось пророчество ужасно!
Пленил, поправ Сибирь Ермак!..
Но что? ужели стон сердечный
Гонимых будет... [4. С. 24–25].

Беллетризирующим всю ситуацию приемом здесь является скрытое уподобление воинской победы любовному овладению – сцена решающей битвы отличается натуралистической живописностью и имплицитным эротизмом, который и далее развивается в тексте: «Сибирь, отвергша мой закон! / Пребудь вовек, стоная, плача, / Рабыней *белого царя!*» [14. С. 25].

Если задача показать подвиг Ермака глазами старого шамана была, как отметил Белинский, мыслью поэтической, то конфликт завоевателя Сибири с главным военачальником и родственником Кучума относился уже к сфере исторического. Однако в отличие от поэтов XIX в., опиравшихся при освоении темы на 9-й том карамзинской «Истории», под рукой у Дмитриева не было сопоставимого по информационной и художественной убедительности источника. Поэт был вынужден опираться на более ранние труды, в число которых входили несколько летописей (пока без Строгановской), а также исследования историков XVIII в. Согласно данным, сообщенным со страниц этих сочинений, Мегмет-Кул (Маметкул) был схвачен и пленен казаками, застигшими его ночью врасплох, без непосредственного участия атамана.

Некоторые детали стихотворения свидетельствуют о том, что поэт ориентировался не столько на летописи, сколько на сочинения историков, причем из числа последних предпочел «Сибирскую историю» (1774) И.Э. Фишера. Во-первых, обращает на себя внимание имя героя – *Мегмет-Кул*, что соответствует особенностям написания именно в этой работе – «*Мегмет-Кул*» [15. С. 140 и сл.]. Выпадение гласной используется, по всей вероятности, для приспособления длинного слова к размеру стихотворения – ямбу. В летописях и в труде Г.Ф. Миллера «Описание Сибирского царства» (1750) используются другие варианты – *Маметкул* [16. С. 138; 17. С. 561; 18. С. 88] или *Меметкул* [18. С. 149].

Во-вторых, Дмитриев дважды называет Мегмет-Кула *братом* Кучума – в поэтической части произведения и специальном примечании: «И царский *брат* пред ним упал»; «Царский *брат*, которого Ермак пленил и отослал к царю...» [14. С. 24]. В Есиповской и Ремезовской летописях Мегмет-Кул назван *сыном* Кучума [16. С. 139; 17. С. 557]. Между тем Миллер и Фишер в комментариях пояснили, что он был не сыном, а *братом* хана [18. С. 173; 15. С. 115]. Если говорить о соответствии историческим фактам, то обе версии ошибочны. Позднее Карамзиным было установлено, что Мегмет-Кул – племянник Кучума [11. С. 245]. Но для определения круга потенциальных источников стихотворения Дмитриева эта неточность показательна. Если же говорить об основном тексте сочинений историков, то Миллер последовательно называет Мегмет-Кула *царевичем*, а Фишер – *братом* Кучума:

«Описание Сибирского царства»
Г.Ф. Миллера

...Октября 23 числа большая неприятельская сила, вверху на Чувашском мысу и внизу оно при засеке появилась, и тогда Казаки с лозунгом с нами Бог из городка Атика к нападению спешили. Царевич Меметкул, который Татарами командовал внизу при реке хотя и храбро защищался, а та партия, которая вверху на Чувашском мысу была под предводительством самого Хана, также старалась беспрепятственным из луков стрельянием нижним подать вспоможение: однако ж все сие недовольно было, чтобы против Казаков устоять, и к отступу их принудить. Счастье служило Казакам очевидно: и они одержали над неприятелем такую совершенную победу, что Кучум и Царевич Меметкул только о своей безопасности имели попечение [18. С. 129].

«Сибирская история» И.Э. Фишера

Кучум Хан после сражения при Чувашском мысу собрал еще большую прежней силу, с которую паки пошел к сему месту. Он разделил войско с братом своим Мегметом-Кулом, сей стал внизу под горою, а Хан вверху на пригорке <...>. Мегмет-Кул хотя оборонялся весьма храбро, и Хан не меньше того старался подкреплять его, пуская на неприятеля бесчисленное множество стрел с Чувашского пригорка... однако козаки с твердостью выдержали сие устремление и с конечным поражением неприятелей одержали такую совершенную победу, что оба Кучум Хан и брат его Мегмет-Кул с великим трудом спасли бегством жизнь свою [15. С. 128–129].

Предпочтение Дмитриевым работы Фишера особенно показательно, если учесть непростую научную репутацию немецкого исследователя. Его

«Сибирская история» опиралась на более ранний труд Миллера и в этом смысле была по отношению к нему компилятивной. Задача Фишера состояла главным образом в сокращении весьма объемной «Истории Сибири». Но из-за того, что в русской версии книги пространное предисловие с указанием авторства предшественника было опущено, читатели воспринимали ее как оригинальную, альтернативную сочинению Миллера [19. С. 93–94; 20. С. 57]. Многочисленные текстуальные совпадения хорошо заметны в приведенных выше фрагментах.

Однако в то же время монография Фишера содержала авторские разделы и размышления, не повторяя Миллеров оригинал полностью. Вклад ученого в историографию Сибири охарактеризован А.И. Андреевым следующим образом: «Подводя итог научной работы Фишера в Сибири в 1739–1745 гг., приходится признать ее весьма небольшой; скромный результат получился в значительной степени по вине самого Фишера, характер которого, как справедливо заметил Гмелин, не подходил к сибирским условиям. Обремененный к тому же семьей, заботам о которой Фишер уделял большое внимание, он научной работе посвящал мало времени...» [21. С. 302]. Сведения о характере ученого и известные факты о его экспедиции в Сибирь также не соответствуют представлениям об образцовом академическом муже: «Фишер под разными предлогами откладывал отправление», в дороге «самому приличные к отправлению» дела перекладывал на переводчика Я.И. Линденау, не работал по составленной Миллером инструкции, а также, по словам очевидцев, «пьянствовал, “сидел вино” и вел позорный образ жизни, заставляя состоявших при нем солдат стоять на карауле у некоей Анны Карловой, бывшей с ним в связи», сопровождавших его служилых людей «по своей лихости всегда находил палкою своею» и даже был арестован [21. С. 286–297].

Авантюрный склад личности академика и недостаток самостоятельно полученных данных не могли не сказаться на особенностях его исторического нарратива – менее востребованного в академической науке, но зато привлекательного для читателя рубежа XVIII–XIX вв. В отличие от Миллера, стремившегося к историографической точности, перепроверке приводимых датировок событий, сопоставлению привлекаемых текстов и развернутым примечаниям, Фишер предложил в своей «Сибирской истории» целостное, не перегруженное научной аналитикой и в этом смысле более сюжетно-беллетризованное повествование.

Так, вопросу о численности отряда Ермака Миллер посвятил отдельный параграф, в котором тщательно сопоставлял известные источники: «Самое важное обстоятельство рассмотреть надлежит, а именно во скольких чело- веках состояла Ермакова сила, с которую он поход в Сибирь восприял. В простых Сибирских летописцах упоминается только о 540 человеках ка- заков <...>. В тобольском летописце описано сие гораздо вероятнее, ибо там пишет: Ермаковых казаков, с которыми он на Волге и на Каспийском море чинили разбой, было до 7000 человек, из которых до 6000 ушли с ним на реку Каму, и при начатии Сибирского похода были...» [18. С. 95–96] и т.д.

Фишер, напротив, сообщил читателю лишь вывод, к которому пришел Миллер, ненавязчиво внедрив его в свое повествование: «Чего ради он с сообщниками своими, которых, как сказывают, было от 6000 до 7000 человек, пошел еще до прибытия царского войска вверх по реке Каме...» [15. С. 114]. Говоря словами Х. Уайта, если Миллер в своем труде обнажал «исследовательские действия ученого», то Фишер стремился скрыть их, делая акцент на «повествовательном действии» [22. С. 32].

Исторические нарративы обоих авторов соответствовали не только разным академическим установкам и даже крайне непохожим натурам исследователей, но и двум этапам в развитии русской повествовательной прозы – моралистической словесности 1730–1750-х гг. и зачаточной русской романистике 1760–1770-х гг. Последней были свойственны интерес к авантурным героям и попытки соотнести характер с историко-социальными реалиями [23. С. 188–207], а также, что особенно заметно на примерах Ф.А. Эмина и М.Д. Чулкова, отчетливо обнаружившееся в писателе нового типа тяготение к научным разысканиям и написанию многотомных исторических фолиантов.

Связное повествование, к которому стремился Фишер, требовало более четкой прорисовки образов действующих лиц. Автор выделил фигуру Мегмет-Кула, с самого начала представив его главным антагонистом русских казаков, словно компенсировавшим своей молодостью и силой старого Кучума, который в течение всех событий «сибирского взятия» по большей части пребывал в сюжетной «тени». Потому и статус *брата* Кучума оказался для Мегмет-Кула более предпочтительным. Например, Фишер добавляет его образ, говоря о намерениях Ермака отправиться в Сибирь. «Он (Ермак. – Е.А.) думал, что когда Мегмет-Кул так легко нашел дорогу с Тобола на Чусовую, то и он со своей стороны может так же туда пойти» [15. С. 116]. В соответствующем эпизоде у Миллера Мегмет-Кул отсутствовал.

Образ Ермака создавался обоими историками по-разному, что особенно заметно при подведении жизненных итогов героя. Миллер со ссылкой на С.У. Ремезова воссоздает внешность и характер атамана, завершая раздел моралистическим выводом. Гибель Ермака и его дружины, по мнению историка, стала расплатой за прежние злодеяния: «...неминуемое отмщение за худые дела здесь еще произвело свое действие» [18. С. 190–191]. Фишер, опустив ссылки на источники, также упомянул в соответствующем разделе о свойствах личности Ермака, но полностью поменял структуру эпизода, предложив читателю авантурный сюжет и свое видение стратегии поведения атамана. Основные вехи развития действия и мотивы поступков Ермака резюмированы мотивом пробудившегося в герое (отчасти неожиданно) благоразумия:

Сначала помышлял он конечно не о завоеваниях, но только о грабеже. Но как счастье против собственного его чаяния, и против всякой вероятности толь необыкновенным образом ему послужило, то он при таком великом благополучии не знал сам, что делать, и не находил средства к сохранению его. И понеже он

мог твердо надеяться, что когда-нибудь или от Татар, или от Россиян будет погублен, так же и совесть и страх наказания за прежние его злодеяния иногда его мучили, то вздумал он освободиться вдруг от сих разных попечений, и для того взятые земли, которых сам сохранить не мог, отдал прежнему своему Государю Российскому Царю. Что без сомнения может похвастаться разумнейшим действием во всей его жизни [15. С. 161].

А сам мотив благоразумного прозрения помещен историком в объяснительную раму, где сформулирован тезис об исторической роли Ермака:

И так сей отвага в четыре года покорил всех Татар у реки Туры, Тобола и у Иртыша, так же Остяков у Иртыша и Оби равномерно Вогуличей у реки Тавды, одним словом, все, что было прежде во владении Сибирского Хана Кучума, и тем оказал Российскому государству незабвенную услугу. <...> Ибо чрез то возвратил он опять потерянную честь, жизнь его с Российской стороны приведена была в безопасность, и смерть его, как смерть героя, положившего жизнь свою за отечество, подвигла всех к сожалению [15. С. 160–161].

Ермаков сюжет в интерпретации Фишера всецело соответствовал его концепции покорения Сибири. По мысли В.Г. Мирзоева, «Фишер еще более, чем Миллер, усиливает идею правительственной колонизации Сибири и превращает ее в единственную. <...> Промышленные люди были годны, по Фишеру, для “проведывания” новых земель, но они могли лишь грабить и разорять. Удержать же приобретенное в Сибири и освоить подчиненную территорию способно только цивилизованное начало, которое, по Фишеру, заключается в государственной власти» [19. С. 94].

В свете такого понимания освоения Сибири фигуры Кучума и Мегмет-Кула представляли собой антитезу, демонстрирующую две альтернативные судьбы покоренных. Образ последнего оказался более привлекательным для писателей, опиравшихся на «Сибирскую историю» Фишера. Дмитриев дополнил сюжет своего стихотворения авторскими примечаниями, в которых сообщал о том, как сложилась дальнейшая жизнь главных оппонентов Ермака. В лиро-эпическом сюжете Мегмет-Кул оказывался сильным, но поверженным соперником, а в исторической перспективе, прочерченной в комментариях, его судьба, напротив, складывалась благополучно и тем самым противопоставлялась печальной участи Кучума. Сравним:

И сам Кучум*, гроза вселены,
Твой царь, погиб в чужих песках!

*Кучум из царства своего ушел к калмыкам и убит ими [14. С. 23].

Я зрел с ним бой Мегмета-Кула**.
Сибирских стран богатыря...

**Царский брат, которого Ермак пленил и отослал к царю Иоанну Васильевичу; от него произошли князья Сибирские [14. С. 24].

Как сообщал Фишер,

Мегмет-Кул прибыл в Москву при владении уже Царя Феодора Иоанновича 1584 года, и не как пленник, но как посол великого Государя встречен был великолепно. Он во всю жизнь свою был у Россиян в великом почтении, и отличил

себя храбрыми делами. В 1590 году был он в походе против Шведов; а в 1598 году с Царем Борисом Федоровичем Годуновым в Серпухове для чаемого нападения от Крымских Татар. Подлинное его имя было Мегмет-Кул Алтаулович; но в России называли его обыкновенно только Царевичем Сибирским [15. С. 141].

Таким образом, история татарского предводителя, сначала акцентированная историком, а затем выставленная на передний план поэтом, позволила продемонстрировать результат, заключающийся в успешном превращении *чужого* в *своё* (Ср. более поздние строки трагедии А.С. Хомякова «Ермак» (1826): «Сибири боле нет: отныне здесь Россия!» [24. С.277]).

* * *

Другим вариантом представления *чужого*, делающегося *своим*, стал любовный сюжет о казачьем атамане и иноземной невесте, который мог дополнять сюжет о Мегмет-Куле, а мог выступать в качестве самостоятельного. В этом случае важным обстоятельством было кровное родство героини с самим Кучумом или местным князем: в трагедии П.А. Плавильщикова «Ермак, покоритель Сибири» (1803) Ирта – дочь хана, в повести И.К. Буйницкого «Ермак, завоеватель Сибири» (1805) Калханта – дочь Тебендинского владетеля. Отмеченные нами ранее спонтанные эротические импликации в линии Мегмет-Кула здесь суверенизируются, и на их основе создается отдельная разновидность сюжета.

В повести Буйницкого, первом законченном прозаическом произведении о Ермаке, была продолжена традиция конструирования образа, начатая Фишером и Дмитриевым. Несколько раз в сочинении использованы слова Фишера о том, что Ермак «оказал Российскому государству незабвенную услугу» [15. С. 161]: «...следуя прежнему предприятию, не токмо можем продлить ее; но еще, подвергнув Сибирь Российскому престолу, оказать отечеству незабвенную услугу», «хотели отечеству оказать услугу», «мы оказали услугу – он (царь. – Е.А.) награждает!» и т.д. [25. С. 141, 151; 26. С. 70]. Об обращении к этим источникам свидетельствуют также сюжетобразующий конфликт между Ермаком и сибирским царевичем, написание имени последнего и характер его родства с ханом («грозный Мегмет-Кул, кровный брат Кучума» [27. С. 25]), наименование другого главного героя – Рюбрюкиса, вдохновившего атамана на поход («Имя мое Рюбрюкис. Мирно и благополучно текли дни мои, когда грозный Мегмет-Кул, посланный Сибирским Ханом Кучумом, с сильным войском, вторгся в наши пределы» [27. С. 15]). Рюбрюкисом в труде Фишера был назван Гильом де Рубрук – монах-путешественник XIII в., побывавший в ставке монгольских ханов и написавший о своем странствии книгу, на которую периодически ссылался историк [15. С. 17–18, 37–38, 45, 47, 64, 75, 78, 93, 203, 507]. Миллер о нем упомянул лишь один раз, используя другой вариант написания фамилии – Рубруквис¹

---

¹ В обоих случаях это адаптированная версия имени путешественника на латинском языке – Rubruquis.

[18. С. 7]. Особое внимание к фигуре Рубрука и его путешествию в Каракорум у Фишера тесно связано с его концепцией монгольского происхождения местных сибирских народов. И в этом смысле отправившийся в Монголию Рюбрюкис в сознании Буйницкого закономерно оказывался непосредственным предшественником Ермака, победившего в Сибири последний осколок Золотой Орды и положивший символический конец истории ига.

Мегмет-Кул в повести, как и в стихотворении Дмитриева, является не только антагонистом, но и двойником Ермака, что подчеркивается параллелизмом военных сцен, в которых задействованы с одной стороны – русские, а с другой – татары, притом что в глаза бросается общность лексического оформления действий:

Али умолк – и Мегмет-Кул содрогается от гнева. «Удались робкий воин! воскликнул он: ты поселяешь ужас в моих храбрых сподвижников. Что скажут об нас, когда Ермак, с толь малым воинством, приведет в трепет и восторжествует над сим страшным государством. Нет, пусть прежде померкнет свет; воспламенится небо: низринутся громы, если соглашусь я на сие предложение. Иду на все: или хладная смерть сомкнет мой вежды, или отверзу гроб врагу, ужас вам наводящему».

Тут раздался ропот. Али хотел отвечать; но шум собрания, подобно глухому стону лесов, волновался в совете. Все единодушно воскликнули. «Государь! да будет война...» [25. С. 132].

Ермак повелел собраться своим воинам, и с горестию, которая придавала ему некоторое величие, говорил им: «Робкие воители! какую пагубу навлекаете вы себе недостойным отступлением; какие выгоды упускаете сим поносным бегством! <...> Вы содрогаетесь, видя себя в толь малом числе, противу несчетного неприятеля; но мы все соединены злополучием, твердостью и мужеством – и с сими качествами непобедимы. «Если смерть и постигнет нас; если и не успеет совершиться великое наше намерение, то сколь возгремит слава наша – мы подаем свету первый и до ныне неслыханный опыт мужества и ревности. Знаменитые наши деяния прейдут из рода в род; все племена земные будут вспоминать об них с благоговением».

Ермак умолк: – все единогласно воскликнули: «Нет! прежде умрем, нежели согласимся оставить толь великого вождя!» Воины, предлагавшие отступление, упали к стопам его, и требовали прощения [25. С. 139–142].

Чтобы изобразить поединок Ермака и Мегмет-Кула, Буйницкий, как и ранее Дмитриев, вольно обращается с известными историческими фактами. Автор повести последовательно воспроизводит по стихотворению предшественника детали и результат схватки:

Ермак приспеваает – битва переменяется. Мегмет-Кул, содрогаясь от гнева, видя смятение своих воинов, и саблю Ермака, дымящуюся их кровию, устремляется к сопротивнику, отсекает главу первому представшему пред него воину, схватывает за волосы, достигает Ермака, повергает ее к стопам его, и, воскликнув: «се участь твоя!» низпускает на него удар, который колеблет Российского Героя, и умножает его гнев. Пораженный Ермак стремится на Мегмет-Кула, раздробляет его щит, и вторичным ударом выбивает оружие его. Тогда Мегмет-Кул бросается

на саблю сопротивника, переломляет. Будучи оба безоружны, схватываются жилистыми руками, и крутятся, придавляя друг друга к стальным своим доспехам. – Мегмет-Кул изнемогает; Ермак подымлет его на воздух; потрясает и повергает на землю; но оставляет ему жизнь, отдает его своим воинам, повелевает отвести во стан и воздавать ему почести, достойные его сана и мужества. Сей был последний оплот, подкреплявший Сибирское воинство; он пал – воины Российские провозгласили победу [25. С. 148–149].

Другим источником повести «Ермак, завоеватель Сибири» Буйницкого была ранняя историческая проза Карамзина. В «Записках о моей жизни» Н.И. Греч вспоминал: «Другой товарищ мой, милый, образованный, прекрасный собой, был Иван Козьмич Буйницкий, который испытывал силы свои в прозе и написал историческую повесть “Ермак”, в подражание “Марфе посаднице” Карамзина, которой бредили тогда все молодые люди» [28. С. 260]. Отдельные сюжетные ходы произведения были заимствованы из других его сочинений: встреча в пещере с чувствительным странником Рюбрюкисом – из «Острова Борнгольм», помощь в бою переодетой в мужское платье возлюбленной – из «Натальи, боярской дочери». В русле этой традиции победа Ермака становилась обусловленной самой логикой истории, а поражение Кучума и его сторонников делалось неизбежным.

Рецептивная линия, восходящая к Карамзину, предполагала постановку вопроса о смирении перед царем как исторической необходимости, объемлющей всех и проявляющейся в нравственном выборе каждого. После значительных сибирских успехов Ермак, в отличие от героини карамзинской повести Марфы Борецкой, делает правильный выбор и отправляет посольство к Ивану IV (ср. у Фишера: «...взятые земли, которых сам сохранить не мог, отдал прежнему своему Государю Российскому Царю. Что без сомнения может почесться разумнейшим действием во всей его жизни» [15. С. 161]). Кучум, напротив, не принимает предложение дружины Ермака подчиниться Ивану Грозному. Гордый хан совершает ту же ошибку, что и героиня «Марфы-посадницы».

* * *

Завершим эту статью указанием на неатрибутированный текст, который представляет собой следующий этап развития интересующей нас сюжетной линии. Полное название повести – «Жизнь и военные деяния Ермака, завоевателя Сибири, выбранные из российских и иностранных писателей»¹

---

¹ Повесть положила начало целой группе любовно-авантюрных произведений о казачьем атамане, о чем говорит значительное количество переизданий, компиляций и вольных переложений произведения, к числу которых относятся следующие: «Плутарх для юношества, или Жития славных мужей всех народов от древнейших времен до ныне...» (1809), «Ермак. Завоеватель Сибирского царства» в составе книги «Пантеон славных российских мужей» (1816), второе издание повести «Ермак, завоеватель Сибири» (1827), поэма А.А. Шишкова «Ермак» (1828), «Ермак, покоритель Сибири: исто-

(1807), подписана она литерами И.Д.¹, имя главного противника Ермака, а также характер родства с ханом точно воспроизведены по работе Фишера (на этот раз выпадающая гласная сохранена): «...отправил сию толпу людей против Ермака, под предводительством брата своего Мегемета-Кула» [31. С. 157]. Многие сибирские фрагменты повести совпадают с сочинением историка, а лейтмотивом становится его мысль об оказанной Ермаком и его казаками услуге государству:

«Жизнь и военные деяния Ермака, завоевателя Сибири...» И.Д.

Напротив того козаки столь сильно поражали Татар, что они падали кучами, и наконец пришли в такое замешательство, что Хан и брат его принуждены были спасать жизнь свою бегством [31. С. 163].

Напротив того, продолжая храбро сопротивляться силе врагов, могут совершенно покорить Сибирь и чрез то оказать отечеству незабвенную услугу [31. С. 161].

Таким образом Ермак кончил жизнь свою, ознаменованную великими подвигами, и смерть его, как смерть героя, оказавшего Российскому государству незабвенные услуги, подвигла всех к сожалению [31. С. 191].

«Сибирская история» И.Э. Фишера

<...> однако козаки с твердостью выдержали сие устремление и с конечным поражением неприятелей одержали такую совершенную победу, что оба Кучум Хан и брат его Мегемет-Кул с великим трудом спасли бегством жизнь свою [15. С. 128–129].

И так сей отвага в четыре года покорил всех Татар... одним словом, все, что было прежде во владении Сибирского Хана Кучума, и тем оказал Российскому государству незабвенную услугу [15. С. 160].

Ибо чрез то возвратил он опять потерянную честь, жизнь его с Российской стороны приведена была в безопасность, и смерть его, как смерть героя положившего жизнь свою за отечество, подвигла всех к сожалению [15. С. 161].

Описываемые нами процессы нарративизации истории Ермака и, соответственно, беллетризации источника, освещающего события сибирского похода, уже попадали в исследовательскую оптику. Впрочем, трактовка обычно не шла далее верной констатации самой природы процесса. Так, В.Г. Мирзоев, существенно опережая свое время и спонтанно рассуждая как

рический роман в 2 ч.» (1839). Последнюю книгу А.И. Рейтблат включил в число бестселлеров первой половины XIX в. – за десять лет с 1839 по 1848 г. она была издана шесть раз (предыдущие версии романа исследователем не учитываются). См.: [29. С. 195].

¹ И.Ф. Масанов привел в словаре псевдонимов 25 авторов, оставивших такую подпись. Из их числа в указанный период жили и публиковались только четверо: поэт Иван Иванович Дмитриев (1760–1837), ученый-естествоиспытатель Иван Алексеевич Двигубский (1771–1840), актер и драматург Иван Афанасьевич Дмитревский (1734–1821) и поэт и драматург князь Иван Михайлович Долгоруков (1764–1823) [30. Т. 1. С. 405; Т. 2. С. 35]. Принимая во внимание биографические факты и характер творчества, можно предположить, что авторами «Жизни и деяний Ермака...» могли быть И.И. Дмитриев или И.М. Долгоруков, первый из которых сочинил известное стихотворение «Ермак», а второй принадлежал по материнской линии роду Строгановых, организаторов похода Ермака, и был автором «Стихов на освобождение князя Сибирского» (1801) о потомке хана Кучума В.Ф. Сибирском.

современный нарратолог, отметил, что в дуализме двух монументальных историй Сибири, созданных в XVIII столетии, подход Миллера заключался в том, чтобы «разыскать, оценить и, очистив от наслоений, поставить достоверные факты рядом друг с другом», а вот «составить из них одной стройной перспективной линии», «найти начала и кон[ец] ее, объяснить причины и следствия» [19. С. 91] ученый не смог. Характерно в этом ключе, что внимание В.Г. Мирзоева привлекла раздраженная реплика Миллера в адрес Фишера: защищаясь от обвинений в нарочитом эмпиризме, создатель современной сибирской историографии указал своему критику на риск превратиться «в романиста, если при своих исторических трудах будет действовать иначе, чем я» [19. С. 86]. Как видим, сформулированная нами в начале статьи проблема беспокоила самих участников культурного процесса.

Однако то, что расценивалось Миллером как еретическое отклонение от научного идеала, оказалось крайне востребованным в практиках производства национальной памяти, для которой требовался, по Карамзину, «оживленный» образ вершителя исторических событий. Важное системное значение обретают в этом контексте попытки зримо вообразить внешность Ермака, представить его образ в живописном и словесном портрете: диегезис дополнялся здесь экфразисом [32]. Скупая начальная зарисовка С.У. Ремезова (««бо велми мужественен и разумен, и человекен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брадою и власы, прикудряв, возраст средней, и плоск, плечист» [17. С. 562]) далее детализировалась и разрасталась («Он был видом благороден, сановит, росту среднего, крепок мышцами, широк плечами; имел лицо плоское, но приятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза светлые, быстрые, зеркало души пылкой, сильной, ума пронизательного» [11. С. 408]), а в 1820-е гг. Г.И. Спасский обнаружил целую дискуссию с А.Н. Олениным – о том, как должен был выглядеть победитель Кучума [33]. Множественные, в каком-то смысле разнонаправленные попытки воссоздать портрет Ермака как главного героя связного повествования должны были провести читателя сквозь сплетения сюжетных мотивов к словесному и одновременно живописному образу покорителя Сибири.

Подведем итоги. Как показало сопоставление летописей, исторических трудов XVIII в., с одной стороны, и художественных произведений – с другой, писатели, увлеченные темой покорения Сибири, преимущественно развивали традицию сюжетно-баллетризованного повествования о Ермаке, отразившуюся в «Сибирской истории...» И.Э. Фишера. Основными способами нарративизации истории казачьего похода стали в интересующий нас период передача событий с точки зрения местных жителей, преобразование заданной историческими событиями фабулы в сюжет превращения *чужого* в *свое* в двух основных его версиях – военной и любовной, эквивалентность сцены покорения Мегмет-Кула и/или иноземки всему Сибирскому взятию. Разработка образа Ермака в художественной словесности рубежа XVIII–XIX вв. была связана, главным образом, не столько с собственно портретной характеристикой героя, сколько с определением мотивировки его поступков

и причин беспрецедентного успеха. Психологическими доминантами персонажа стали способность к благоразумному прозрению и умение побеждать не только силой и военной хитростью, но и лаской – недаром в трагедии Плавильщикова он был противопоставлен есаулу с говорящим именем *Грубей*. Само заглавие пьесы «Ермак, *покоритель* Сибири», будучи явно ориентировано на название вышедшей годом ранее карамзинской повести «Марфа-посадница, или *Покорение* Новагорода», положило начало устойчивой традиции такого наименования произведений о народном герое. Характеристика Ермака как *покорителя* Сибири подразумевала совмещение двух значений: прямого – покорить, значит, «завоевать» и переносного – «очаровать», «подчинить своему обаянию».

Список источников

1. Карамзин Н.М. О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств // Избр. соч. : в 2 т. М. ; Л., 1964. Т. 2. С. 188–198.
2. Forster E.M. Aspects of the Novel. N.Y. : Rosetta Books, 2002. 122 p.
3. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЯСК, 2008. 302 с.
4. Карамзин Н.М. Известие о Марфе-посаднице, взятое из жития св. Зосимы // Избр. соч. : в 2 т. М. ; Л., 1964. Т. 2. С. 227–231.
5. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву / изд. с примеч. и указателем Я. Грот и П. Пекарский. СПб. : В типогр. Имп. АН, 1866. 727 с.
6. Ханзен-Лево О. Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М. : ЯРК, 2001. 669 с.
7. Лотман Ю.М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в. // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб. : Искусство-СПБ, 1997. С. 14–79.
8. Дергачева-Скоп Е.И. Сибирское летописание в общерусском литературном контексте конца XVI – середины XVIII вв. : дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. Екатеринбург, 2000. 49 с.
9. Янушкевич А.С., Анисимов К.В. Из рукописного наследия Г.И. Спасского // Про странство культуры и стратегии исследования: Статьи и материалы о русской провинции. XX Фетовские чтения. Курск, 2006. С. 109–146.
10. Строгановская летопись по списку Спасского // Сибирские летописи. Изд. Ар хеографической комиссии. СПб., 1907. С. 1–46 (2-й паг.).
11. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 9. СПб., 1821. 717 с.
12. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. 499 с.
13. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7. 734 с.
14. Дмитриев И.И. Сочинения / сост. и коммент. А.М. Пескова и И.З. Сурат. М. : Правда, 1986. 592 с.
15. Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб., 1774. 646 с.
16. Сибирские летописи. СПб., 1907. 464 с.
17. Ремезов С.У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 550–574.
18. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб., 1750. 510 с.

19. Мирзоев В.Г. Историография Сибири: (Домарксистский период). М. : Мысль, 1970. 391 с.
20. Иодко О.В. Иоган Эбергард Фишер. Из Петербурга в Сибирь и обратно // Немцы в Санкт-Петербурге. Вып. 4. СПб. : МАЭ РАН, 2008. С. 45–61.
21. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2: XVIII век (первая половина). М. ; Л. : Наука, 1965. 365 с.
22. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
23. Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века. М. : Высш. шк.: Изд. центр «Академия», 2000. 415 с.
24. Хомяков А.С. Стихотворения и драмы / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б.Ф. Егорова. Л. : Сов. писатель, 1969. 595 с.
25. Буйницкий И.К. Ермак завоеватель Сибири. Кн. 2 // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. 1, № 2. Февраль. С. 126–151.
26. Буйницкий И.К. Ермак завоеватель Сибири. Кн. 3 // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. 1, № 4. Апрель. С. 69–95.
27. Буйницкий И.К. Ермак завоеватель Сибири. Кн. 1 // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. Ч. 1, № 1. Январь. С. 9–27.
28. Греч Н.И. Записки о моей жизни. М. ; Л. : Academia, 1930. 896 с.
29. Рейтблат А.И. Русские «бестселлеры» первой половины XIX века // Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001. С. 191–203.
30. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей : в 4 т. М. : Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1957.
31. И.Д. Жизнь и деяния Ермака, завоевателя Сибири, выбранные из разных писателей как российских, так и иностранных. М., 1807. 191 с.
32. Шатин Ю.В. Ожившие картины: экфразис и диегезис // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 217–226.
33. Письмо Е. П. Г^{на} Тайного Советника и Кавалера Алексея Николаевича Оленина к Издателю Летописи Сибирской // Летопись Сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирских земель Русскими, при Царе Иоанне Васильевиче Грозном; с кратким изложением предшествовавших оному событий. Издана с рукописи XVII века. СПб., 1821. С. 1–8 (3-й паг.).

References

1. Karamzin, N.M. (1964) *Izbrannye Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. pp. 188–198.
2. Forster, E.M. (2002) *Aspects of the Novel*. New York: Rosetta Books.
3. Schmid, W. (2008) *Narratologiya* [Narratology]. Translated from German. 2nd ed. Moscow: YaSK.
4. Karamzin, N.M. (1964) *Izbrannye Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. pp. 227–231.
5. Grot, Ya. & Pekarskiy, P. (eds) (1866) *Pis'ma N.M. Karamzina k I.I. Dmitrievu* [Letters of N.M. Karamzin to I.I. Dmitriev]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
6. Hansen-Löve, A. (2001) *Russkiy formalizm: Metodologicheskaya rekonstruktsiya razvitiya na osnove printsipa ostraneniya* [Russian Formalism: Methodological reconstruction of development based on the principle of defamiliarization]. Translated from German. Moscow: YaRK.
7. Lotman, Yu.M. (1997) *O russkoy literature* [On Russian Literature]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 14–79.

8. Dergacheva-Skop, E.I. (2000) *Sibirskoe letopisanie v obshcherusskom literaturnom kontekste kontsa XVI – serediny XVIII vv.* [Siberian chronicles in the all-Russian literary context of the late 16th – mid-18th centuries]. Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
9. Yanushkevich, A.S. & Anisimov, K.V. (2006) [From the handwritten heritage of G.I. Spassky]. *Prostranstvo kul'tury i strategii issledovaniya. Stat'i i materialy o russkoy provintsii* [Space of Culture and Research Strategy. Articles and materials about the Russian province]. Proceedings of the 20th Fet Readings. Kursk. 15–18 September 2005. Kursk: Kursk State University. pp. 109–146. (In Russian).
10. Maykov, L.N. & Maykov, V.V. (eds) (1907) *Sibirskie letopisi. Izd. Arkheograficheskoy komissii* [Siberian Chronicles. Archaeographical Commission Edition]. Saint Petersburg: Tipogr. I.N. Skorokhodova. pp. 1–46 (second pagination).
11. Karamzin, N.M. (1821) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. 9. Saint Petersburg: V tipografii N. Grecha.
12. Likhachev, D.S. (1947) *Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie* [Russian Chronicles and Their Cultural and Historical Significance]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
13. Belinskiy, V.G. (1955) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Moscow: USSR AS.
14. Dmitriev, I.I. (1986) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda.
15. Fisher, J.E. (1774) *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli Rossiyskim oruzhiem* [Siberian History from the Very Discovery of Siberia to the Conquest of This Land by Russian Weapons]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
16. Maykov, L.N. & Maykov, V.V. (eds) (1907) *Sibirskie letopisi* [Siberian Chronicles]. Saint Petersburg: Tipogr. I.N. Skorokhodova.
17. Remezov, S.U. (1989) *Istoriya Sibirskaya* [Siberian history]. In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek* [Monuments of Literature of Ancient Rus'. 17th century]. Book 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 550–574.
18. Müller, G.F. (1750) *Opisanie Sibirskogo tsarstva i vsekh proizoshedshikh v nem del, ot nachala, a osoblivo ot pokoreniya ego Rossiyskoy derzhave po sii vremena* [Description of the Siberian Kingdom and All the Affairs That Happened in It, from the beginning, and especially from its conquest to the Russian state to this day]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
19. Mirzoev, V.G. (1970) *Istoriografiya Sibiri (Domarksistskiy period)* [Historiography of Siberia (Pre-Marxist period)]. Moscow: Mysl'.
20. Iodko, O.V. (2008) *Iogan Ebergard Fisher. Iz Peterburga v Sibir' i obratno* [Johann Eberhard Fischer. From St. Petersburg to Siberia and back]. In: Shrader, T.A. (ed.) *Nemtsy v Sankt-Peterburge* [Germans in St. Petersburg]. Vol. 4. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS. pp. 45–61.
21. Andreev, A.I. (1965) *Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri* [Essays on Source Studies of Siberia]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Nauka.
22. White, H. (2002) *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe]. Translated from English. Yekaterinburg: Ural Federal University.
23. Lebedeva, O.B. (2000) *Istoriya russkoy literatury XVIII veka* [History of Russian Literature of the 18th Century]. Moscow: Vysshaya shkola; Akademiya.
24. Khomyakov, A.S. (1969) *Stikhotvoreniya i dramy* [Poems and Dramas]. Leningrad: Sovetskiiy pisatel'.
25. Buynitskiy, I.K. (1805) *Ermak zavoevatel' Sibiri. Kniga vtoraya* [Yermak, the conqueror of Siberia. Book two]. *Zhurnal dlya pol'zy i udovol'stviya*. 2. Part 1. February. pp. 126–151.
26. Buynitskiy, I.K. (1805) *Ermak zavoevatel' Sibiri. Kniga tretiya* [Yermak, the conqueror of Siberia. Book three]. *Zhurnal dlya pol'zy i udovol'stviya*. 4. Part 1. April. pp. 69–95.

27. Buynitskiy, I.K. (1805) Ermak zavoevatel' Sibiri. Kniga pervaya [Yermak, the conqueror of Siberia. Book one]. *Zhurnal dlya pol'zy i udovol'stviya*. 1. Part 1. January. pp. 9–27.

28. Grech, N.I. (1930) *Zapiski o moyey zhizni* [Notes about My Life]. Moscow; Leningrad: Academia.

29. Reytblat, A.I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoy kul'ture Pushkinskoy epokhi* [How Pushkin Became a Genius: Historical and sociological essays on the book culture of the Pushkin era]. Moscow: NLO. pp. 191–203.

30. Masanov, I.F. (1957) *Slovar' psevdonomov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznoy knizhnoy palaty.

31. I.D. (1807) *Zhizn' i deyaniya Ermaka, zavoevatelya Sibiri, vybrannye iz raznykh pisateley kak rossiyskikh, tak i inostrannykh* [The life and deeds of Yermak, the conqueror of Siberia, selected from various writers, both Russian and foreign]. Moscow: V Gubernskoy tipografii u A. Reshetnikova.

32. Shatin, Yu.V. (2004) Ozhivshie kartiny: ekfrazis i diegezis [Living paintings: ekphrasis and diegesis]. *Kritika i semiotika*. 7. pp. 217–226.

33. Spasskiy, G.I. (ed.) (1821) *Letopis' Sibirskaya, sodержashchaya povestvovanie o vzyatii Sibirskiya zemli Russkimi, pri Tsare Ioanne Vasil'eviche Groznom; s kratkim izlozheniem predshestvovavshikh onomu sobytiy. Izdana s rukopisi XVII veka* [Siberian Chronicle, containing a narrative about the capture of the Siberian land by the Russians, under Tsar Ivan Vasilyevich the Terrible; with a brief summary of the events preceding it. Published based on a 17th-century manuscript]. Saint Petersburg: V tipogr. departamenta narodnogo prosveshcheniya. pp. 1–8 (third pagination).

Информация об авторе:

Анисимова Е.Е. – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и литературоведения Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: eva1393@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.E. Anisimova, Dr. Sci. (Philology), professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: eva1393@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.10.2023;
одобрена после рецензирования 26.10.2023; принята к публикации 25.03.2024.*

*The article was submitted 07.10.2023;
approved after reviewing 26.10.2023; accepted for publication 25.03.2024.*